

№ 721/647/683 (40-е – сер. 90-х гг. XII в.; Б 56) [Г]. На переходе с третьей строки на четвертую следует читать не съ|[р]ъцьвъъ, а сър|[р]ъцьвъъ, с повторением буквы *p* при переносе. А в самом сочетании [иі:] сър|[р]ъцьвъъ следует видеть не записанную с ошибкой словоформу Р. мн. *сорочькъ*, но Р. мн. **сорочьцевъ* (записанный с одиночным *ц* вместо двойного *ци* [из *чы*]) от уменьшительного *сорочьць*, представленного в грамоте № 910.

№ 724 (о датировке см. ниже; Б 47) [Г]. Предложенная издателями трактовка этой важнейшей грамоты была в основных моментах пересмотрена П. В. Петрухиным [2009]. Не видя достаточных оснований для отождествления упоминаемых в тексте Захарии и Андрея с посадником Захарией и Андреем Боголюбским, П. В. Петрухин иначе трактует отраженную грамотой ситуацию. Речь, как он считает, должна идти не о противостоянии Новгорода и Суздаля в Заволочье, но, «скорее, о банальной неразберихе среди ответственных за сбор дани администраторов» (с. 125).

«Рычагом» для пересмотра устоявшейся интерпретации стало новое прочтение ключевого фрагмента грамоты: *по томъ пришии смерди ѿ андрѣа мъжь приаши и данѣ ѿаши людѣе*. Согласно переводу и комментариям в издании, ДНД₁ и ДНД₂, пришедшие смерды «приняли» «мужа» Андрея Боголюбского, то есть признали за ним право сбора дани, после чего его люди эту дань собрали, отняв у новгородского «данника» Саввы¹⁴. Полемизируя с такой трактовкой, П. В. Петрухин предлагает считать, что глагол *приати* выступает в данном контексте в специальном значении ‘арестовать’, тогда как *мужь* является формой В. = Р. мн., а не В. ед. Фрагмент, таким образом, приобретает вид: *По томъ пришии смерди ѿ Андрѣа, мъжь приаши, и данѣ ѿаши людѣе* ‘Потом пришли смерды от Андрея, задержали мужей и отняли дань’.

В целом ситуация грамоты представляется П. В. Петрухину следующей:

«Люди», которым следовало собрать остаток дани, по какой-то причине этого не сделали. Затем некто Захария через своего посланника дезавуировал полномочия Саввы как сборщика дани. Не вполне ясно, кому было адресовано это послание: это могли быть местные землевладельцы, старейшины общины или администраторы. Как бы то ни было, распоряжение Захарии дошло до адресатов слишком поздно: Савва уже собрал основную часть дани. В этой ситуации (возможно, из опасения, что им придется повторно платить уже уплаченную дань) местные плательщики дани решили действовать: Андрей — по-видимому, один из людей, получивших послание Захарии, — послал к Савве смердов, которые взяли под стражу подчинявшихся ему дружинников и отобрали собранную ими дань. Далее Савва сообщает, что восьмерым из его людей — отряду под началом Тудора — удалось бежать, и просит отнестись к ним с пониманием.

Упомянутый в грамоте Андрей — либо местный администратор, либо землевладелец (боярин, вотчинник), либо местный старейшина; вопрос о том, был ли Захария посадником или просто высокопоставленным администратором, остается открытым (Петрухин 2009: 119).

Не видя оснований связывать грамоту с событиями 1160-гг., П. В. Петрухин склонен датировать ее более поздним временем (началом XIII в.), с чем лучше согласуется последовательно позднерусское состояние редуцированных в основном тексте письма. Сохранение слабых редуцированных в приписке исследователь считает иллюзией, создаваемой эффектом скандирования. Языковые и орфографические различия между основным текстом грамоты и припиской объясняются не сменой установки писца, а тем, что текст на обороте написан другим почерком.

Разбор этого построения начнем с последнего тезиса. По мысли П. В. Петрухина, основной текст письма был записан профессиональным писцом (возможно, даже не новгородцем), тогда как постскриптум Савва писал собственноручно. Согласиться с этим можно было бы, лишь допустив, что Савва и его писец обучались грамоте у одного и того же учителя, в деталях усвоив от него не только все основные буквенные начерки (в том числе и очень редкие и специфичные, вроде не встречающегося более в грамотах раннего периода У-образного *ч*), но также общую манеру, размер и ритм письма. Это допущение кажется совершенно искусствен-

¹⁴ Слово «данник» мы употребляем здесь в том значении, какое оно имеет в древнерусских текстах: ‘сборщик дани’.